

Сыромятников Сергей Николаевич

Из воспоминаний

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
С32

С32 **Сергей Николаевич С.**
Из воспоминаний / Сыромятников Сергей Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
53 с.

ISBN 978-5-519-76082-9

ISBN 978-5-519-76082-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

мать Добролюбова, и большинство членов совета высказались против участия общества, предоставляя каждому члену быть на этой панихиде по желанию. Ульянов был недоволен этим постановлением и стал редко приходить в заседания совета. На одном заседании совета присутствовал попечитель округа, генерал Новиков, муж известной англо-русской писательницы Ольги Алексеевны Новиковой, урожденной Киреевой, писавшей под псевдонимом О.К. Генерал кончил, как говорили, три военных академии. Этот ученый генерал, седой как дунь, очень медлительный, молчаливый и скучный, с удовольствием слушал все, что говорилось на нашем совете. Я предложил выписать книгу Демомбина об европейских конституциях. Братья Ольденбурги делали мне знаки, чтобы я перестал говорить о достоинствах этой книги, но, повидимому, попечитель не нашел ничего дурного в том, что мы читаем об иностранных конституциях, тем более что на третьем курсе все они еще обсуждались профессором государственного права. Впрочем, по новому уставу, курс государственного права иностранных государств был весьма сокращен, чтобы мы не очень увлекались соблазнами ограниченной государственности.

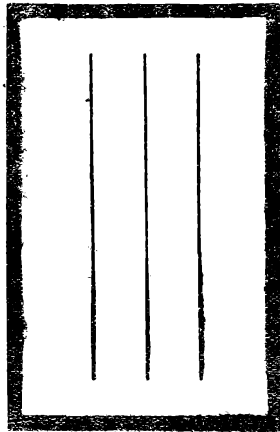
В весеннем семестре 1887 года над нами разразилась гроза: мы узнали из газет об аресте наших товарищей, которые пытались взорвать Александра II.

Об аресте Ульянова, Андреяшкина, Генералова и Шевырева с бомбами около Аничкова дворца мы узнали из правительственного сообщения, которое было дополнено рассказами высокопоставленных друзей старика Лермонтова. Говорили, что студенты выдохнули толстые книги "

и склепили предвзвительно страницу, и в образовавшиеся таким образом ящики положили динамит и вапали; что когда они были отведены в дом

Цена 2 1/2 к.

Цена для Сибиря, Дальнего Востока и Средней Азии
на 1/2 коп. дороже.
Примечание: более высокая цена карточек по заказу.

Фет. 575. Статформат А — 5
148 X 210 мм. Тираж № 4010

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931
ЛЕНИНГРАД

градоначальника, то один из них бросил бомбу на дворе, но она не разорвалась, а только зашипела. Говорили, что динамит был очень плох и что будь-бы его варила и самоваре акушерка Апаньина. Либеральныя друзья Лермонтова сначала утверждали, что все это дело есть только полицейская провокация, а потом окрестили его детским покушением с неподлыми средствами.

В то же время был арестован наш товарищ по университету ман, сын сенатора, блондин добродушный малый, ходивший в шинели с латинским сводом законом. Рассказывал, что отец, зная его полную неспособность участвовать в каком либо тайном обществе, тщетно добивался свидания с сыном и затем сказал градоначальнику Грессеру, что он, как сенатор, имеет право потребовать аудиенции у государя и приносит ему жалобу на бессмысленное заключение своего сына. Тогда перепуганного юному выпустили на свободу.

Все дело об аресте Ульянова вел не департамент полиции, а градоначальник с охранкой, ид департамент полиции, чувствуя себя обманенным, распустил слух о том, что в сущности никакого заговора и не было. Рассказывали будто мать Ульянова написала государю очень сильное прошение, в котором говорила что революционное настроение приобретено было ее сыном в казенных учебных заведениях, а совсем не в семье. Говорили, что прошение это написал второстепенный журналист несковекий /?/ говорили также, что Александр III был готов помиловать студента, если бы они подали прошение о помиловании, что, будто бы Ульянов был склонен, ради своей матери, подать такое прошение, но его сестра, в тайно переданной ему записке, убеждала его остаться верным своим идеалам и пожертвовать собой за убеждения, после чего он ответил матери что не может просить о сохранении своей жизни у человека, жизнь которого он хотел

отнять. Я передаю эти разговоры, как типичные для того общества в котором я жил, для верхних слоев Петербургского чиновничества и дворянства. Вскоре мы узнали о казни Ульянова и его товарищей, и сенатор Николай Николаевич Селифонтов привез Лермонтову стенограмму речи Ульянова на суде, которую я сейчас же списал, и которая произвела тогда на всех сильное впечатление. Если стенографический отчет по процессу Ульянова не был издан после 1887 года, я приведу из него речь Ульянова, дающую полную характеристику его стремлений.

№ 4 Совершенно секретно, для личного пользования, без передачи. ЗАСЕДАНИЕ ОСОБОГО ПРИСУТСТВИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ВУЛШЕГО СЕНАТА ДЛЯ СУЖДЕНИЯ ДЕЛ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, С 15 АПР. 1887Г. СТР. 502.

ПОДСУДИМЫЙ УЛЬЯНОВ: Относительно своей защиты я нахожусь в том же положении, как Генералов и Андрешкин. Фактическая сторона установлена вполне верно и не отрицается мною. Поэтому право защиты сводится исключительно к праву изложить мотивы преступления, т.е. рассказать о том умственном процессе, который привел меня к необходимости этого преступления. Я могу отнести к своей ранней молодости то смутное чувство недовольства общим строем, которое, все больше и больше проникая в сознание, привело меня к убеждениям, которые руководили мною в настоящем случае. Но только после изучения общественных и экономических наук это убеждение в ненормальности существующего строя вполне во мне укрепилось и смутные мечтания о свободе, равенстве и братстве выделились для меня в строго научные и именно социалистические формы. Я понял, что изменение общественного строя не только возможно, но даже нем-

бежно. Каждая страна развивается стихийно, по определенным законам, проходит через строго определенные фазы и неизбежно должна прийти к общественной организации. Это есть неизбежный результат существования строя и тех противоречий, которые в нем заключаются. Но если развитие народной жизни ~~никоим~~ совершается стихийно, то, следовательно, отдельные личности ничего не могут изменить в ней и только умственными силами они могут служить идеалу, внося свет в сознание того общества, которому суждено иметь влияние на изменение общественной жизни. Есть только один правильный путь развития - это путь слова и печати, научной печатной пропаганды, потому что всякое изменение общественного строя является как результат изменения сознания в обществе. Это положение вполне ясно формулировано в программе террористической фракции партии "Народной Воли", как раз совершенно наоборот тому, что говорил г. обвинитель. Объясняя перед судом тот ход мысли, которыми приводятся люди к необходимости действовать террором, он говорит, что умозаключение это следующее: всякий имеет высказывать свои убеждения, следовательно имеет право добиваться осуществления их насильственно. Между этими двумя посылами нет никакой связи и очевидно этот так нелогичен, что едва-ли можно на нем останавливаться. Из того, что я имею право высказывать свои убеждения, следует только то, что я имею право доказывать правильность их, т.е. сделать истинами для других то что истина для меня. Если эти истины помнутся в них через силу, то это будет тогда, когда на стороне ее будет стоять большинство, и в таком случае это не

будет навязывание, а будет тот обычный процесс, которым идем обращаясь в право. Отдельные личности не только не могут насильственным образом добиваться изменения в общественном и политическом строе государства, но даже такое естественное право, как право свободной мысли и слова, может быть приобретено только тогда, когда существует известная, определенная группа, в лице которой может вестись эта борьба. В таком случае это опять таки не будет навязывание ни обществу, а будет приобретено по праву потому, что всякая общественная группа имеет право удовлетворение потребностей поскольку, по скольку это не противоречит праву. Таким образом я убедился, что единственный правильный путь воздействия на общественную жизнь есть путь пропаганды пером и словом. Но прежде того, как теоретические размышления приводили меня все к этому выводу, жизнь показывала самым наглядным образом, что при существующих условиях таким путем идти невозможно; при отношении правительства к умственной жизни, которое у нас существует, невозможно не только социалистическая пропаганда, но даже обще-культурная; даже научная разработка вопросов в высшей степени затруднительна. Правительство настолько могущественно, а интеллигенция настолько слаба и сгруппирована только в некоторых центрах, что правительство может отнять у нее единственную возможность, последний остаток свободного слова. Те попытки, которые я видел вокруг себя, идти по этому пути — еще более убедили меня в том, что жертвы советского режима не окупят достигнутого результата. Убедившись :

